

С.В. Погорельская

Страны Евросоюза в Ливии: Опыт военного вмешательства

Аннотация. Причины и следствия военного вмешательства западных стран в гражданскую войну в Ливии рассматриваются в контексте внешнеполитической дееспособности Евросоюза.

Abstract. Reasons and consequences of military interference in the Libyan civil war are examined in the context of the EU's capabilities.

Ключевые слова: НАТО, ЕС, Ливия, Германия, гуманитарные интервенции, «Обязанность защищать».

Keywords: NATO, the EU, Libya, Germany, humanitarian interventions, «Responsibility to protect».

Вмешательству стран НАТО не предшествовал политический конфликт с этой страной, напротив, отношения с ее правительством находились в фазе нормализации. После официальной отмены санкций ООН против Ливии в 2003 г. европейские страны не проявляли враждебности к режиму М. Каддафи, более того, их политика по отношению к ливийскому лидеру характеризовалась политической толерантностью и экономическим интересом. Германия покрывала 11% своей потребности в нефти за счет импорта из Ливии. Французские, немецкие, британские концерны разворачивали в стране свой бизнес, продавали режиму Каддафи оружие, а Италия, пользуясь старой колониальной

традицией¹, отсылала в Ливию осаждавших ее нелегальных беженцев из Африки.

В Ливии активно действовал британский нефтяной концерн BP, британские фирмы продавали в Ливию оружие и оборудование для полиции. В свое время либеральный премьер-министр Т. Блэр приложил немало дипломатических усилий, чтобы вернуть североафриканскую страну в круг «нормальных» государств. Франция, ранее конфликтовавшая с Ливией, нормализовала свои отношения с ней, Каддафи был в Париже с официальным визитом. На момент интервенции НАТО ливийский режим, по крайней мере на официальном уровне, не представлял собой угрозы ни миру, ни Европе.

Тем не менее операция состоялась. Чем руководствовались НАТО и ЕС, какие уроки извлекли они из этой военной акции? Эти вопросы рассмотрены в предлагаемой статье.

Военная акция: Причины и повод

Существовало немало мнений об истинных причинах военной акции. В частности, речь шла как о стремлении западных лидеров таким образом поправить свой внутривосточный имидж в преддверии грядущих выборов, так и о подспудных спорах между Ливией и некоторыми западными странами. Очевидным было стремление Запада в контексте «арабской весны» нивелировать политическое и военное значение Ливии в регионе, обеспечить себе доступ к природным ресурсам этого государства без необходимых политических реверансов перед строптивым и малопредсказуемым режимом с его неприятной для Запада философией «народной власти»².

Усиление племенной розни в Ливии и попытки режима Каддафи подавить вооруженное восстание племен Киренаики вооруженным же путем не были причиной операции, они послужили

¹ До поражения Муссолини во Второй мировой войне Ливия с 1911 г. была итальянской колонией, после поделена на Триполитанию (под управлением Италии), Киренаику (Великобритании), Феццан (Франции).

² В так называемой «Зеленой книге» (эрзац-конституция) Каддафи критиковал западные парламентские демократии и разработал ливийскую концепцию народовластия («джамахирия»). Позже он смягчил ее в «Белой книге».

лишь поводом и даже этот повод был недостаточно весомым в глазах многих влиятельных стран мирового сообщества, не говоря уже об экспертах и правоведах.

Политический режим Ливии не отвечал западным критериям демократии, правящий клан был эксцентричен, малопредсказуем и долгие годы находился в конфликте с Западом. Однако внутри страны режим имел немало сторонников. После свержения в 1969 г. королевской власти¹ и провозглашения Ливийской Народной Республики (а впоследствии Ливийской Арабской Джамахирии, «государства народных масс»²) внутренняя политика была направлена на преодоление трибализма и формирование единой ливийской нации не по племенному, а по территориальному принципу³. До введения санкций ООН режим обеспечивал населению высокий уровень социальной защищенности и стабильности, доходы, получаемые за нефть, не оседали целиком в карманах правящих элит, а направлялись как на различные государственные программы (в том числе на систему водоснабжения), так и непосредственно на повышение благосостояния населения как в виде прямых денежных выплат, так и дотаций, например на автомоби-

¹ Королевское правительство существовало с 1951 г. и было полностью подконтрольно картелю из девяти англо-американских нефтяных компаний. 90% населения были неграмотны. На территории страны были размещены военные базы НАТО. Они были закрыты в начале 70-х годов, тогда же была проведена широкомасштабная национализация.

² «Социалистическая народная Ливийская Арабская Джамахирия» провозглашена в 1977 г., в понимании Муаммара Каддафи – особая форма государственного устройства, аналогичная «народовластию» с элементами исламского социализма. Государство представляло собой федерацию коммун. Каждый первичный народный конгресс избирал своих представителей в городской народный комитет и Всеобщий народный конгресс. В правовой сфере действовал ряд положений шариата, в частности запрет ростовщичества, закят (налог в пользу бедных), наказания за кражу. Политических партий не было, однако параллельно с органами Джамахирии существовал «революционный сектор» (рев. комитеты), Центральный комитет которых управлялся «революционным руководством» во главе с Каддафи.

³ Более того, известны утопические планы М. Каддафи в отдаленной перспективе биологически сформировать «единую ливийскую нацию» путем смешения берберов, арабов и негроидных племен.

ли. Существовала гибкая система социальных пособий и выплат, женщины были уравнены в правах с мужчинами и защищены целым сводом законов. Образование и здравоохранение были бесплатными, равно как и важнейшие лекарства, многодетные семьи поощрялись, цены на энергоносители и бензин для населения были чисто символическими.

Обвинения в пособничестве террористам¹ привели в конце 80-х – начале 90-х годов к политической и торгово-экономической блокаде Ливии со стороны западных держав. Широкомасштабные санкции ООН, введенные в 1992–1993 гг., в сочетании с падением цен на нефть и газ (составлявших 98% экспорта и 80% бюджетных поступлений) привели к ухудшению социального положения населения и росту недовольства правящим режимом. Однако после отмены санкций ООН в 2003 г. ВВП страны начал расти вслед за ценами на нефть, а режим проводил мягкую либерализацию, в первую очередь через расширение политических и экономических контактов с Западом, и постепенный возврат к капитализму. М. Каддафи удалось найти взаимопонимание с Евросоюзом (и прежде всего со своей бывшей метрополией – с Италией) в таком важном и больном для ЕС вопросе, как предотвращение нелегальной иммиграции², началась нормализация отношений с Францией.

По мере ухудшения мировой экономической конъюнктуры в стране активизировались исламистские силы и противники режима из соперничавших с племенем Каддафи кланов. Несмотря на попытки создать общеливийскую национальную идентичность, реальная власть в стране по-прежнему принадлежала племенным элитам, в частности родному племени М. Каддафи – каддадфа и тем племенам, которые находились с ним в официально оформленном союзе. Ряд племен на востоке страны, в Киренаике³, отказался от такого союза, несмотря на многократные предложения М. Каддафи, поэтому и социальное положение в данном регионе

¹ Запад обвинял Каддафи в поддержке ирландских (ИРА) и палестинских (ООП) террористов.

² Для реализации этой задачи в 2004 г. ЕС снял эмбарго на поставку Ливии оружия.

³ Племенные элиты этой части страны правили в Ливии до прихода к власти Каддафи.

было хуже, нежели в Триполитании. Именно эти племена и начали мятеж против режима в середине февраля 2011 г., поводом для него послужил арест местного правозащитника. Уже 26 февраля было провозглашено создание «временного правительства». Вооруженные повстанцы отправились в «марш на Триполи». На этом пути их остановила авиация М. Каддафи.

Согласно нормам международного права, правящий режим, защищающийся от попыток его ниспровергнуть (а именно это и делал М. Каддафи), не совершает этим ни преступлений против человечности, ни военных преступлений. Предполагается лишь, что государство при этом защищает себя «правомочными средствами». Неправомочными они считаются с того момента, когда от них начинают страдать невооруженные мирные жители. Поэтому формальным поводом вмешательства Запада во внутриполитическую борьбу ливийских племен послужили известия о том, что авиация М. Каддафи атакует мирных демонстрантов¹. Между тем к этому времени Бенгази, второй по величине город Ливии, уже находился в руках вооруженных повстанцев, ничего общего с мирными демонстрантами не имевших.

Реальной же причиной, по которой западные страны окончательно решили вмешаться во внутриполитический конфликт на стороне повстанцев, явилась, скорее всего, эксцентричность М. Каддафи, возмущившегося вмешательством в его дела и пригрозившего изгнать из Ливии западные нефтяные концерны и пригласить русские и китайские, а также разорвать сотрудничество с ЕС в вопросах сдерживания нелегальной иммиграции. Стратегический интерес Запада, мотивировавший его использовать представившийся шанс, заключался в смене режима на более предсказуемый и зависимый. Взяв курс на вмешательство, заинтересованные страны последовательно предпринимали определенные инициативы, не смотря на попытки других влиятельных членов мирового сообщества, в частности России, достичь мирного урегулирования.

Африканский союз в первой половине марта решительно высказался за мирное урегулирование конфликта между враждующими сторонами и был готов направить делегацию в Триполи

¹ Как отмечалось позже, эти сообщения так и остались непроверенными.
См.: 8.

и Бенгази с посреднической миссией. Въезду делегации воспрепятствовали западные страны, мотивируя это необходимостью соблюдать бесполетную зону над Ливией. «Западные страны даже не упомянули инициативу Африканского союза, – возмущались африканские посредники. – Они маргинализировали его попытки посредничества, не думая, какое влияние в долгосрочном плане это может оказать на весь континент» (6).

Лига арабских государств, членом которой также являлась Ливия, полагала, что широкомасштабная интервенция не нужна, поскольку бесполетная зона, общая для всех, в достаточной мере защитила бы гражданское население страны. Вмешательству США она предпочла бы действия со стороны ЕС.

Среди государств – членов ЕС самыми активными сторонниками вмешательства во внутривосточный конфликт были Франция и Великобритания. Во Франции против военной акции выступали только ультраправые, считавшие что «внутри арабского цивилизационного пространства действовать должны сами арабы» (12).

В то же время ЕС как субъект мировой политики еще в конце февраля на официальном уровне занимал сдержанную позицию в вопросах вмешательства, рассчитывая на действенность санкций ООН. 11 марта состоялась встреча ЕС. Выступить в качестве единого субъекта внешней политики ЕС не удалось: большинство его стран заняли сдержанную позицию по ливийскому вопросу.

Не было единства и в Совете Безопасности ООН. Против Ливии уже действовало как эмбарго на поставки оружия, так и запрет полетов в ливийском воздушном пространстве, следовало лишь позаботиться об их соблюдении. Индия и Бразилия – страны, наряду с Германией претендовавшие на постоянное место в СБ, возмущались, что, несмотря на запрет продажи оружия Ливии, Франция и Великобритания продолжали снабжать оружием ливийских повстанцев.

Резолюция Совета Безопасности 1973 от 17 марта 2011 г., развязавшая руки сторонникам военной акции против Ливии и имевшая своей целью защиту гражданского населения и обеспечение бесполетной зоны над Ливией, была принята десятью из пятнадцати голосов. Германия при голосовании воздержалась. И оказалась тем самым в интересной, но непривычной для нее компании с Россией, Китаем, Индией и Бразилией. Ее «естественные» союз-

ники – США, Франция и Великобритания – остались по другую сторону баррикад.

Операция в Ливии

19 марта 2011 г. началась французская операция по созданию бесполетной зоны над Ливией, сразу после этого стали действовать и другие государства – члены НАТО, согласившиеся участвовать в военной акции. Интересно, что самолеты Франции и Великобритании вторглись в воздушное пространство Ливии еще до окончания парижской встречи, состоявшейся в тот же день и положившей официальное начало военным действиям.

Центральную роль в операции играли силы Франции и Великобритании. Кроме них в операции участвовал еще ряд членов НАТО, ЕС, в частности Бельгия, Дания, Италия, Испания, Нидерланды и даже Греция. Кроме того, в акции участвовали Канада, Катар, Турция и Норвегия – страна, не входящая в ЕС, но связанная с ним шенгенскими соглашениями. Ряд других стран выразил поддержку и готовность поддержать коалицию. Сторонники военной акции и много позже полагали, что она была правомерной, потому что «тот, кто хочет защитить мирных жителей, должен ниспровергать тиранов» (3).

При штурме каждого города страны НАТО (всего восемь) своими воздушными ударами расчищали повстанцам путь. В течение семи месяцев операции Североатлантический альянс по сути выполнял роль военно-воздушной силы повстанцев, проведя более 10 тыс. атак. По ливийским данным, при этом погибло более 30 тыс. жителей – для страны с наименьшим по сравнению с другими арабскими странами количеством населения это существенная цифра (1). 23 августа повстанцы овладели резиденцией Каддафи в Триполи. 31 октября 2011 г. операция стран НАТО официально была объявлена законченной. Ливия как региональный лидер с суверенной внешней и внутренней политикой прекратила свое существование. Ее уделом стали внутритропическая дестабилизация, племенная и религиозная рознь, вновь и вновь вспыхивающие вооруженные конфликты. Одно время существовала опасность раскола страны, отделение востока от Триполитании. Нефтедобывающая промышленность перешла под контроль зарубежных кон-

цернов. Полтора года спустя Ливия официально отказалась от наименования «Великая Джамахирия» и до разработки новой конституции назвалась просто «Государством Ливией».

Особое немецкое мнение

«Нашим союзникам по блоку мы желаем успеха, ведь политические цели у нас с ними общие. У нас просто другое мнение об их шансах на успех», – говорила Ангела Меркель 18 марта 2011 г., пытаясь убедить фракцию ХДС/ХСС в правильности шага, сделанного германским правительством накануне, 17 марта, в Совете Безопасности ООН. В отношениях с США Берлинской республике уже приходилось отстаивать свое мнение: в 2003 г. канцлер Шрёдер отказался участвовать в коалиции, сколоченной американцами для вторжения в Ирак. Политическая оппозиция тех лет (в лице Ангелы Меркель) возмущалась и порывалась извиниться перед заокеанскими друзьями, хотя в те времена позицию Германии кроме России разделяла и Франция. Теперь же Германия, в оправдание своего решения, могла сослаться разве только на Польшу.

С началом беспорядков в Ливии Германия, как и другие европейские державы, отправила к ее берегам свои военные корабли. Однако решить ливийский вопрос немцы предпочитали на путях экономических и финансовых санкций. Одностороннее и не согласованное с европейскими партнерами признание Францией Национального совета Ливии в Германии вызвало озабоченность. Новый министр обороны Томас де Мезьер предостерегал партнеров по НАТО от поспешных решений. В немецкой прессе заговорили о «политической гиперактивности Саркози».

Поддержки немцы в Совете Безопасности невнятную резолюцию о «защите ливийского гражданского населения» «всеми необходимыми средствами», они оказались бы втянутыми и в военную операцию, причем при фактическом первенстве Франции. А к ливийской политике Саркози Германия относилась скептически, причем еще в те времена, когда французский лидер поддерживал дружеские отношения с Каддафи да и в целом, как иронизировали немецкие эксперты, был «другом всех магрибских диктаторов» (2).

Немецкие арабисты и военные эксперты говорили о неспланированности этой операции, нечеткости ее целей, плохой коор-

динации. Более того, они были почти уверены, что она не ограничится наблюдением за воздушным пространством, а превратится в полномасштабную военную акцию с участием наземных войск. Между тем более 7000 немецких солдат к тому времени уже участвовали в различных военных операциях за пределами Германии. Обосновать их участие еще в одной войне было бы непросто, тем более в Северной Африке, где еще живы воспоминания о бригадах Роммеля времен Второй мировой войны. Более того, ведущие немецкие правоведы полагали, что эта военная акция нелегитимна с точки зрения международного права.

Поэтому даже если бы германское правительство и проголосовало за резолюцию, его ожидали бы долгие споры в Бундестаге. Вполне возможно, что парламентарии не выдали бы мандата на отправку солдат в Ливию. А вот гнев избирателей и потеря популярности были бы неизбежны. Немцам хватало Афганистана, где их солдатам вместо предполагавшегося «мирного строительства» приходилось сражаться с движением «Талибан». Поэтому курс, взятый правительством по отношению к Ливии, получил широкую поддержку населения. По данным опросов общественного мнения, до голосования в ООН против участия Германии в военной акции возражали 65% населения, после – 88% (11). Такая поддержка была немаловажна для консервативно-либеральной коалиции ввиду предстоящих выборов в ландтаги трех федеральных земель.

Решение германского правительства было естественным в той ситуации, в которую оно было поставлено политикой Саркози. В новом геополитическом раскладе возможности внутриевропейских союзов значительно богаче, нежели в ЕС времен конфронтации блоков. Саркози был сложным лидером, он мыслил скорее в категориях державной, нежели общеевропейской политики; следовать в его кильватере – отнюдь не значило следовать общим интересам Европы. Не случайно ряд европейских стран, согласившихся на участие в военной акции, в частности Италия, условием своего участия поставили главенство НАТО.

Меркель подчеркивала, что «воздержание» Германии не означает ее нейтралитета по отношению к режиму Каддафи. Германское правительство предложило «разгрузить» НАТО, освободив ему руки для военной акции в Ливии, усилив свое присутствие в Афганистане. Как известно, НАТО использует в Афганистане раз-

ведывательные самолеты (АВАКС). Около 40% всех натовских АВАКС принадлежит Германии, однако до сих пор она не участвовала в этой миссии, поскольку расширение мандата потребовало бы новых дискуссий в Бундестаге. Теперь же Германия заявила о своей готовности предоставить 300 солдат для миссии АВАКС. Кроме того, она выделила 5 млн. евро для беженцев и предложила США использовать немецкие военные аэродромы для полетов в Ливию. Позже, в июле, Германия предоставила Национальному переходному совету (альтернативному правительству повстанцев) кредит в размере 100 млн. евро для «гуманитарных целей» (9) и предложила помощь в экономическом и политическом восстановлении.

В ЕС весной 2011 г. Германия подверглась серьезной критике со стороны Франции, уверявшей, что решение Германии нанесло ущерб совместной европейской политике и является ошибкой, политическая стоимость которой непредсказуема.

Неоднозначными были и реакции политических сил внутри страны, причем линии раздела прошли не между партиями, а внутри них. Практически все партии, кроме «Левой», считали, что получить постоянное место в Совете Безопасности Германии теперь будет намного сложнее. В ХДС/ХСС некоторые политики-реалисты намекали, что при новом разделе ливийских рынков Германия будет обойдена. Курс Меркель и Вестервелле вызвал нарекания и со стороны старых христианских демократов, сформировавшихся в западногерманские времена. Они считали, что нарушена аденауэровская традиция «рейнской внешней политики», предписывавшая в интересах европейского единства любой ценой сохранять германско-французский тандем. Согласно этой точке зрения, путь Германии в Европе может пролегать только рядом с Францией. Если Германия – не с Францией, то она – на «особом пути», а это – плохо.

СвДП, в отличие от консерваторов, горой встала за своего тогдашнего лидера, наконец-то совершившего здравый внешнеполитический шаг. Социал-демократы колебались между внешнеполитическим резонансом и внутривнутриполитической тактикой. Лидер СДПГ Зигмар Габриель сначала выразил «понимание» позиций правительства, потом упрекнул его в изоляционизме. Зеленые прореагировали невнятно. В военной акции стран НАТО эта своеобразная и

давно уже поступившаяся своими пацифистскими принципами партия умудрилась узреть «защиту прав человека». Отказ Германии от помощи «демократическим повстанцам» – это «конец политики ценностей», – заявил зеленый депутат с трибуны Бундестага, критикуя решение правительства. – Я не хочу ставить немецкую политику в вопросах прав человека рядом с китайской или русской» (4). Тут же, впрочем, выражалось и сожаление о жертвах среди гражданского населения, неизбежных при такой радикальной защите их прав. «Левая» партия тоже была недовольна, только по другой причине. Ей было недостаточно одного лишь «воздержания» правительства. Поддерживая это решение, она в то же время требовала от правительства умиротворяюще повлиять на воинственных союзников по НАТО. Однако, несмотря на все замечания и упреки, ни один политик, ни одна партия не выразили четкого, официального несогласия с правительственным курсом.

Другое дело – СМИ. Против решения правительства в массовом порядке восстали интеллектуальные «гуманисты-беллицы», от чистого сердца призывавшие огнем и мечом поддержать «демократию» в Ливии. Тот факт, что Германия оказалась в компании России и Китая, возмущал души блюстителей атлантической солидарности, как правило, из числа бывших западногерманских политиков и идеологов. Правительство пугали «особым германским путем» и грядущей «изоляцией Германии в западном мире».

Доходило до смешного. В августе министру обороны пришлось через прессу обратиться к престарелым, но не растерявшим воинственности атлантическим «ястребам», замучившим его письмами и советами: «В последние месяцы мы получаем очень много советов от пожилых политиков. Я знаю многих из них лично, уважаю, ценю и принимаю их мнения всерьез. Но мы живем в другом времени и в другом мире. Мы не можем вернуться к той безопасности и стабильности, по которой они тоскуют» (5).

Все это в очередной раз демонстрирует насущную проблему Берлинской республики. Германия как в силу исторического опыта, так и в связи с опасениями и страхами своих соседей не считает пока возможным возвращаться к своей старой геополитической роли, однако в то же время ее политика должна соответствовать положению мощной геоэкономической силы. Реальная политика интересов, которую современная Германия может осуществлять так

же хорошо, как и любое другое значимое государство ЕС, получая внутри страны поддержку населения, в то же время входит в противоречие со старой, сформировавшейся в боннские времена и страдающей рейнским провинциализмом культурой ведущих интеллектуальных элит. Германии необходимо преодолеть эту коллизию, формируя новую политическую культуру воссоединившейся страны. В ином случае принятие судьбоносных политических решений будет буксовать из-за противоречий между здравым смыслом и политкорректностью.

Время показало, что позиция Германии, воздержавшейся от участия в военной акции, была верной с международно-правовой и внешнеполитической точек зрения, хотя она и стоила Германии экономических выгод. Как член НАТО Германия была обязана проявлять солидарность в случае угрозы для блока или его членов, но не в проведении вооруженной акции против суверенного государства, этому блоку не угрожавшего. Сложная, нестабильная ситуация, сложившаяся в Ливии после интервенции, еще более убедила немецких политиков в правильности принятого ими в марте 2011 г. решения.

Подведение итогов

Осенью 2012 г. в Бенгази, том самом ливийском городе, в котором весной 2011 г. начались волнения «демократических сил», переросшие в вооруженное восстание, поддержанное Западом, был убит посол США¹. Это печальное событие было тем не менее символично: оно четко характеризовало ситуацию, сложившуюся в стране после свержения Каддафи и далекую не только от демократии, но и от элементарной стабильности. В то время как в Триполи новый ливийский парламент, Всеобщий народный конгресс, избирал главу правительства, вооруженные исламистские формирования, которые (с поддержкой Саудовской Аравии и Катара) участвовали в ниспровержении режима Каддафи, пытались определить ход политического процесса на привычных им путях. В Ливии действовали три джихадистские организации. Пользуясь фактическим

¹ В качестве мотива называли «мечь за антиисламское видео из США», распространенное в те дни в Интернете.

отсутствием власти после падения режима Каддафи, салафиты начали разрушать мавзолеи, исторические памятники и святыни суфийских мусульман, многие из которых принадлежат мировому культурному наследию¹. Единственно, им противостояло местное население. Ни парламент, ни правительство, осуждавшие эти варварские акции, не обладали ни влиянием, ни силой, ни даже структурами, необходимыми для их предотвращения. Некоторые вооруженные формирования были приняты на «государственную службу»: правительство заявило в сентябре 2012 г. о том, что «распустит» все формирования, которые откажутся подчиниться Министерству внутренних дел или Министерству обороны. Одни из этих формирований занимают четкую антизападную позицию, другие, громя суфийские святыни, в то же время подчеркивают, что не имеют ничего против западных держав. И те и другие занимаются выяснением отношений, убийствами политических противников. В октябре 2012 г. городские и племенные ополчения вперемешку с «национальной гвардией» разгромили город Бани-Валид (племя варфалла), где нашли прибежище последние сторонники Каддафи.

Ливийский политический ландшафт на конец 2012 г. был настолько раздроблен и сложен, так сильно определялся традициями трибализма, что охватить его привычными Западу категориями «либералов» и «исламистов» не представлялось возможным. Технократическая ливийская элита, политики, большую часть своей жизни находившиеся в изгнании на Западе, оказались не в состоянии создать функционирующее государство и поставить под свой контроль деятельность вооруженных формирований. Городские и племенные ополчения оставались реальными хозяевами страны, политический процесс определялся межплеменными конфликтами. На территории Ливии многие века враждовали друг с другом множество крупных кланов и племен, вражда эта не прекращалась

¹ Подобные акции они совершали в Афганистане и в Мали. Разрушая святыни местного «народного» ислама, они полагали укреплять в данных регионах свой вариант ислама. В Ливии традиции суфизма имели не только религиозное, но и политическое значение, так как суфийский орден Сенусси в свое время сыграл роль в освобождении страны от османских и итальянских колонизаторов. Основоположник этого ордена был в середине XIX в. изгнан ваххабитами из Мекки.

и во времена Каддафи, который снова и снова посредничал в межплеменных ссорах. Падение же центрального режима усилило эти традиционные конфликты, которые к тому же подогревались соперничеством за ресурсы, за денежную и гуманитарную «помощь Запада», за оружие.

Подводя итоги, можно сказать, что акция стран НАТО в Ливии, как и прочие, предшествующие ей военные акции этого Альянса, при которых он вмешивался во внутривосточную борьбу или гражданские войны затронутых стран не в качестве нейтральной силы, а четко в пользу одной из борющихся сторон, не принесла стране мира. Более того, она дестабилизировала соотношение сил в прилегающем пространстве. Резкое усиление исламистских сил на севере Мали, повлекшее за собой в январе 2013 г. французскую интервенцию в эту страну, произошло преимущественно в силу того, что туареги получили доступ к арсеналам разгромленного режима Каддафи.

В ливийском конфликте «гуманитарный» повод для вмешательства не выдерживал критики: слишком очевидной была стратегическая заинтересованность Запада в смене режима. Цель резолюции ООН: обеспечение бесполетной зоны над Ливией и защита мирного населения. Однако к тому времени, когда резолюция была принята, мирные жители страдали не только от авиации Каддафи, но и от действий вооруженных повстанцев.

Вмешавшись в межплеменный конфликт, Североатлантический альянс однозначно принял сторону противников Каддафи, хотя противники эти, каждый на свой лад, были так же далеки от западных ценностей и демократии, как и сам Каддафи и его клан. Нежелание повстанцев вести мирные переговоры с режимом, т.е. их отказ от политической стабилизации, получило поддержку стран Альянса. Были попорчены интересы той немалой части населения, которая не поддерживала восставших. Защита мирного населения, послужившая предлогом для военной операции, была в ходе военной акции принесена в жертву истинным целям Запада – смене политического режима в Ливии. В этой связи эксперты говорили о «злоупотреблении резолюцией 1973» (7).

В ливийском конфликте НАТО впервые ссылается на новый принцип «обязанности защищать» («Responsibility to protect»): в случае, если национальные государственные структуры не в со-

стоянии защитить свое мирное население от внутривластного террора или же сами его терроризируют, ответственность за его защиту берет на себя мировое сообщество. С точки зрения экспертов, данная стратегия, легализующая «гуманитарные интервенции», но пока еще не зафиксированная в международном праве в качестве четкого норматива, открывает путь для реализации интересов западных держав в любых регионах мира.

Оценивая роль европейских стран в операции против Ливии, эксперты указывали не столько на Евросоюз, сколько на европейских участников НАТО, призывая их, коль скоро они и в дальнейшем хотят использовать НАТО как «инструмент американской поддержки европейской безопасности», укреплять «европейскую часть Североатлантического альянса» (10).

Правда, ливийская военная акция по большому счету обошлась без ЕС. В апреле на встрече в Люксембурге министры иностранных дел ЕС предполагали начать собственную военную акцию для обеспечения гуманитарной помощи в случае, если на это будет запрос со стороны ООН. С 2007 г. ЕС располагает двумя собственными подразделениями быстрого реагирования, каждое по 1500 солдат. Они еще ни разу не были задействованы в боевых действиях. Не потребовались они и в этот раз.

В ливийском вопросе Евросоюзу в очередной раз не удалось продемонстрировать единства внешней политики и выступить единым субъектом политического действия. В тех регионах, которые исторически относятся к сферам влияния европейских держав и в которых неоднократно пересекались их интересы, они предпочитают и далее действовать в системе свободных союзов.

Вопрос о смысле военной акции НАТО и о тех уроках, которые следует извлечь из этой акции как ее западным участникам, так и потенциальным будущим объектам гуманитарных интервенций, остается открытым. Причем, чем дальше в прошлое уходит «победа» НАТО, чем проблематичнее становится ситуация в «освобожденной от тирана» Ливии, тем больше сомнений и вопросов вызывает новая стратегия Североатлантического альянса. И не только она. В ливийском конфликте Евросоюз в очередной раз показал свою неспособность «говорить одним голосом», подтвердив, что там, где затронуты исторические традиции геополитики европейских держав, он никогда не сможет стать «союзным государст-

вом Европы» и, хуже того, может не оправдать даже своего нынешнего наименования «Европейский союз». В важнейших делах международной политики, на пересечении традиционных геополитических интересов сообщество суверенных государств Европы скорее всего еще долго, а может быть, и никогда не сможет обрести единого политического курса.

Список литературы

1. Погорельская С.В. Особое немецкое мнение // Эксперт. – 2011. – 28.3.
2. Der kleine de Gaulle und der große Rat // Junge Freiheit. – 2011. – 21.03. – Mode of access: <http://www.jungefreiheit.de>
3. Ignatieff M. Lehren aus Libyen // Süddeutsche Zeitung. – 2012. – 2.2.
4. Libyen befreien? Nicht mit uns! // Tageszeitung. – 2011. – 20.03.
5. De Maiziere T. «Es gibt keinen Sonderweg mehr» // Tagesspiegel. – 2011. – 8.8.
6. Mbeki Th. Die Kolonialisten kehren zurück // Die Zeit. – 2011. – 9.6.
7. Merkel R. Der illegitime Triumph // Die Zeit. – 2011. – 8.9.
8. Mutz R. Der Nato-Einsatz bleibt falsch // Tageszeitung. – 2011. – 25.10.
9. Red.: 100 Millionen Euro für Rebellen in Libyen // Die Welt. – 2011. – 25.7.
10. Rühl L. Neuorientierung im Orient // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2011. – 31.8.
11. Schmidt U. Berlin in der Selbstisolation // Neue Zürcher Zeitung. – 2011. – 21.3.
12. Wiegel M. Frankreich freut und ärgert sich // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2011. – 18. März.
13. Wiegel M. Kehrtwende Washingtons, Streit in Europa // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2011. – 17. März.